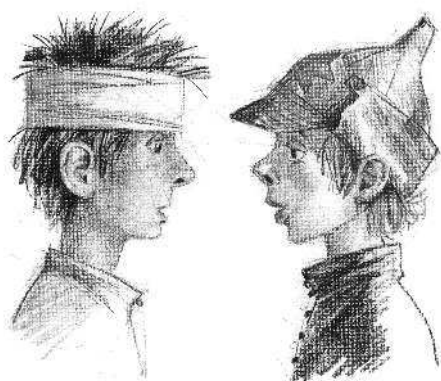

Анатолий Рыбаков

КОРТИК
БРОНЗОВАЯ
ПТИЦА
ВЫСТРЕЛ

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р93

Рисунок на обложке
Н. Бугославской

Рыбаков, Анатолий Наумович

Р93 Кортик, Бронзовая птица, Выстрел : [повести] / А. Рыбаков, рис. на обл. Н. Бугославской. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 700, [4] с. — (Золотая классика — детям!).

ISBN 978-5-17-133638-7.

Творческий путь Анатолия Рыбакова (1911–1998) начался с приключенческих повестей для юношества «Кортик», «Бронзовая птица» и «Выстрел». Поверенная временем знаменитая трилогия выдержала десятки переизданий и экранизаций неслучайно: лихо закрученный сюжет и интрига до последней страницы держат читателя в напряжении. Обычные московские школьники — Мишка Поляков, Генка Петров и их друзья — попадают в череду невероятных историй и разгадывают тайны, которые не по силам решить даже взрослым. Тайна старинного морского кортика, за которым охотится офицер с погибшего линкора, загадка бронзовой птицы в заброшенной усадьбе, разоблачение банды — все эти приключения собраны под обложкой этой книги!

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ЕАСТ

12+

© Рыбаков А. Н., насл., 2020
© Бугославская Н. В.,
рисунок на обложке, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

КОРТИК

Повесть

Часть первая

РЕВСК

Глава 1

ИСПОРЧЕННАЯ КАМЕРА

Миша тихонько встал с дивана, оделся и выскользнул на крыльцо.

Улица, широкая и пустая, дремала, пригретая ранним утренним солнцем. Перекликались петухи. Изредка из дома доносились кашель, сонное бормотание — первые звуки пробуждения в прохладной тишине покоя.

Миша жмурил глаза. Его тянуло обратно в теплую постель, но мысль о рогатке заставила его встряхнуться. Осторожно ступая по скрипучим половицам коридора, он пробрался в чулан.

Тусклый свет падал из крошечного оконца под потолком на прислоненный к стене велосипед — старую сборную машину на спущенных шинах, с ржавыми спицами и порванной цепью. Миша снял висевшую над велосипедом рваную, в разноцветных заплатках камеру, перочинным ножом вырезал из нее две узкие полоски и повесил обратно так, чтобы вырез был незаметен.

Он осторожно открыл дверь, собираясь выбраться из чулана, как вдруг увидел в коридоре Полевого, босого, в тельняшке, с взлохмаченными волосами. Миша прикрыл дверь и, оставив маленькую щелку, притаился.

Полевой спустился во двор, подошел к заброшенной собачьей будке, внимательно осмотрелся.

«Чего ему не спится? — думал Миша. — И осматривается как-то странно...»

Полевого все называли «товарищ комиссар». Высокий, могучий человек, в прошлом матрос, он до сих пор ходил в широких черных брюках и куртке, пропахшей табачным дымом. Из-под куртки на ремешке болтался наган. Все ревские мальчишки завидовали Мише — он жил в одном доме с Полевым.

«Чего это он? — удивлялся Миша. — Так я из чулана не выберусь! Бабушка вот-вот поднимется».

Полевой сел на лежавшее возле будки бревно, еще раз осмотрел двор. Его взгляд скользнул по щелочке, в которую подглядывал Миша, по окнам дома.

Потом он засунул руку под будку, долго шарил там, видимо нащупывая что-то, затем выпрямился, встал и пошел обратно в дом. Скрипнула дверь его комнаты, затрещала под грузным телом кровать, и все стихло.

Мише не терпелось смастерить рогатку, но... что искал Полевой под будкой? Миша крадучись подошел к ней и остановился в раздумье.

Посмотреть, что ли? А вдруг кто-нибудь заметит? Он сел на бревно и оглянулся на окна дома. «Нет, нехорошо! Нельзя быть таким любопытным! — подумал Миша и засунул руку под будку. — Ничего здесь не может быть». Ему просто по-

казалось, будто Полевой что-то искал... Рука его шарилась под будкой. Конечно, ничего! Только земля и скользкое дерево... Мишины пальцы попали в расщелину. Если здесь и спрятано что-нибудь, то он даже не посмотрит, только убедится, есть тут что или нет. Он нащупал в расщелине что-то мягкое, вроде тряпки. Вытащить? Миша еще раз оглянулся на дом, потянул тряпку и, разгребая землю, вытащил из-под будки сверток.

Он стряхнул с него землю и развернул. На солнце блеснул стальной клинок кинжала. Кортик! Такие кортики носят морские офицеры. Он был без ножен, с тремя острыми гранями. Вокруг побуревшей костяной рукоятки извивалась бронзовым телом змейка с открытой пастью и загнутым кверху язычком.

Обыкновенный морской кортик. Почему же Полевой его прячет? Странно. Миша еще раз осмотрел кортик, завернул его в тряпку, засунул обратно под будку и вернулся на крыльцо.

Со стуком падали деревянные брусья, запирающие ворота. Коровы медленно и важно, помахивая хвостами, присоединялись к проходившему по улице стаду. Стадо гнал пастушонок в длинном, до босых пят, рваном зипуне и барашковой шапке. Он покрикивал на коров и ловко хлопал бичом, который волочил за ним в пыли как змея.

Сидя на крыльце, Миша мастерил рогатку, но мысль о кортике не выходила у него из головы. Ничего в этом кортике нет, разве что бронзовая змейка... Почему Полевой его прячет?

Рогатка готова. Эта будет получше Генкиной! Миша вложил в нее камешек и стрельнул по прыгавшим на дороге воробьям. Воробьи поднялись

и уселись на заборе. Миша хотел еще раз выстрелить, но в доме раздались шаги, стук печной заслонки, плеск воды из ушата. Миша спрятал рогатку за пазуху и направился в кухню.

Бабушка в своем засаленном капоте с оттопыренными от множества ключей карманами передвигала по скамейке большие корзины с вишнями. На озабоченном лице щурятся маленькие, подслеповатые глазки.

Миша запустил руки в корзину.

— Куда, куда! — закричала бабушка. — Грязными лапами!

— Жалко уж! Я есть хочу, — проворчал Миша.

— Умойся сперва.

Миша подошел к умывальнику, чуть смочил ладони, прикоснулся к кончику носа, тронул полотенце и отправился в столовую.

На своем обычном месте, во главе длинного обеденного стола, покрытого коричневой цветастой клеенкой, уже сидит дедушка — старенький, седенький, с редкой бородкой и рыжеватыми усами. Большим пальцем он закладывает в нос табак и чихает в желтый носовой платок. Его живые, в лучах добрых, смешливых морщинок глаза улыбаются, и от его сюртука исходит мягкий и приятный запах, только одному дедушке свойственный.

На столе еще ничего нет. В ожидании завтрака Миша поставил свою тарелку посреди нарисованной на клеенке розы и начал обводить ее вилкой, чтобы замкнуть розу в круг.

На клеенке появляется глубокая царапина.

Неся перед собой самовар, в столовую вошла бабушка. Миша прикрыл царапину локтями.

— Где Семен? — спросил дед.

— В чулан пошел, — ответила бабушка. — Велосипед вздумал чинить!

Миша вздрогнул и, забыв про царапину, снял локти со стола. Велосипед чинить? Вот так штука! Все лето дядя Сеня не притрагивался к велосипеду, а сегодня, как назло, принялся за него. Сейчас увидит камеру — и начнется канитель.

Скучный человек дядя Сеня! Бабушка — та просто отругает, а дядя Сеня скривит губы и начинает читать нотации. В это время он смотрит в сторону, снимает и надевает пенсне, тербит золоченые пуговицы на своей студенческой тужурке. А он вовсе не студент! Его давным-давно исключили из университета за «беспорядки». Интересно, какой беспорядок мог наделать такой всегда аккуратный дядя Сеня? Лицо у него бледное, серьезное, с маленькими усиками под носом. За обедом он обычно читает книгу, скосив глаза, и не глядя, наугад подносит ко рту ложку.

Миша опять вздрогнул: из чулана донеслось громыханье велосипеда.

И когда в дверях показался дядя Сеня с порезанной камерой в руках, Миша вскочил и, опрокинув стул, опрометью бросился из дому.

Глава 2

ОГОРОДНЫЕ И АЛЕКСЕЕВСКИЕ

Он промчался по двору, перемахнул через забор и очутился на соседней, Огородной улице. До ближайшего переулка, ведущего на свою, Алексеевскую улицу, не более ста шагов. Но мальчишки

с Огородной, заклятые враги алексеевских, уже заметили Мишу и сбегались со всех сторон, вопя и улюлюкая, в восторге от предстоящей расправы с алексеевским, да еще с москвичом.

Миша быстро вскарабкался обратно на забор и закричал:

— Что, взяли? Эх вы, пугалы огородные!

Это была самая обидная для огородных кличка. В Мишу полетел град камней. Он скатился с забора во двор, на лбу его набухла шишка, а камни продолжали лететь, падая возле самого дома, из которого вдруг вышла бабушка. Она близоруко сощурила глаза и, обернувшись к дому, кого-то позвала. Наверное, дядю Сеню...

Миша прижался к забору:

— Ребята, стой! Слушай, чего скажу!

— Чего? — ответил кто-то за забором.

— Чур, не бросаться! — Миша снова влез на забор, с опаской поглядел на ребячьи руки. — Что вы все на одного? Давайте по-честному — один на один.

— Давай! — закричал Петька Петух, здоровенный парень лет пятнадцати.

Он сбросил с себя рваную кацавейку и воинственно засучил рукава рубашки.

— Уговор, — предупредил Миша, — двое дерутся, третий не мешай.

— Ладно, ладно, слезай!

На крыльце рядом с бабушкой уже стоял дядя Сеня.

Миша спрыгнул с забора.

Петух тут же подступил к нему.

— Это что? — Миша ткнул пальцем в железную пряжку Петькиного пояса.

По правилам во время драки никаких металлических предметов на одежде быть не должно. Петух снял ремень. Его широкие, видно, отцовские, брюки чуть не упали. Он подхватил их рукой, кто-то подал ему веревку. Миша в это время расталкивал ребят: «Давай побольше места!..» — и вдруг, отпихнув одного из мальчиков, бросился бежать.

Мальчишки с гиком и свистом кинулись за ним, а сзади всех, чуть не плача от огорчения, бежал Петух, придерживая рукой падающие штаны.

Миша несся во всю прыть. Босые его пятки сверкали на солнце. Он слышал позади себя топот, сопение и крики преследователей. Вот поворот. Короткий переулок... И он влетел на свою улицу. Ему на выручку бежали алексеевские. Огородные, не принимая драки, вернулись к себе.

— Ты откуда? — спросил рыжий Генка.

Миша перевел дыхание, оглядел всех и небрежно произнес:

— С Огородной. Дрался с Петухом по-честному, а как стала моя братья, они все на одного.

— Ты — с Петухом? — недоверчиво спросил Генка.

— А то кто?! Здоровый он парень, во какой фонарь мне подвесил! — Миша потрогал шишку на лбу.

Все с уважением посмотрели на этот синий знак его доблести.

— Я ему тоже всыпал... — продолжал Миша, — запомнит! И рогатку отобрал. — Он вытащил из-за пазухи рогатку с длинными красными резинками. — Получше твоей.

Потом он спрятал рогатку, презрительно посмотрел на девочек, формочками лепивших из песка куличики, и насмешливо спросил:

— А ты что делаешь? В пряталки играешь, в салочки? «Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять...»

— Вот еще! — Генка потряхнул рыжими вихрами. — Давай в ножички.

— На пять горячих со смазкой.

— Ладно.

Они уселись на деревянный тротуар и начали по очереди втыкать в землю перочинный ножик: просто, с ладони, броском, через плечо, солдатиком...

Миша первым закончил все фигуры. Генка протянул ему руку. Миша соорудил зверскую физиономию и поднял кверху два послунявленных пальца. Генке эти секунды кажутся часами, но Миша не ударил. Он опустил руку и сказал: «Смазка просохла», и снова послунявил пальцы. Это повторялось по несколько раз перед каждым ударом, пока Миша не вклеил наконец Генке все пять горячих, и Генка, скрывая выступившие на глазах слезы, дул на посиневшую и ноющую руку.

Солнце поднималось все выше. Тени укорачивались и прижимались к палисадникам. Улица лежала полумертвая, едва дыша от неподвижного зноя. Жарко. Надо искупаться.

Мальчики отправились на Десну.

Узкая, в затвердевших колеях дорога вилась полями, уходившими во все стороны зелено-желтыми квадратами. Квадраты спускались в ложбины, поднимались на пригорки, постепенно закруглялись, как бы двигаясь вдаль по правильной кривой, неся на себе рощи, одинокие овины, задумчивые облака.

Пшеница стояла высокая, неподвижная. Мальчики рвали колосья и жевали зерна, ожесточенно

сплевывая пристающую к небу шелуху. В пшенице что-то шелестело. Испуганные птицы вылетали из-под ног.

Вот и река. Приятели разделись на песчаном берегу и бросились в воду, поднимая фонтаны брызг. Они плавали, ныряли, боролись, прыгали с шаткого деревянного моста, потом вылезли на берег и зарылись в горячий песок.

— А в Москве есть река? — спросил Генка.

— Есть. Москва-река. Я тебе уже тысячу раз говорил.

— Так по городу и течет? Как же в ней купаются?

— Очень просто: в трусиках. Без трусов тебя к Москве-реке за версту не подпустят. Специально конная милиция смотрит.

Генка недоверчиво ухмыльнулся.

— Чего ты ухмыляешься? — рассердился Миша. — Ты, кроме своего Ревска, не видал ничего, а ухмыляешься!

Глядя на приближающийся к реке табун лошадей, он спросил:

— Какая самая маленькая лошадь?

— Жеребенок, — не задумываясь ответил Генка.

— Вот и не знаешь! Самая маленькая лошадь — пони. Есть английские пони, они — с собаку, а японский пони — вовсе с кошку.

— Врешь!

— Я вру? Если бы ты хоть раз был в цирке, то не спорил бы. Ведь не был? Скажи: не был?.. Ну вот, а споришь!

Генка помолчал, потом сказал:

— Такая лошадь ни к чему: ее ни в кавалерию, никуда.